

УДК 821 : 129

Е. А. Пестерева,

факультет истории, философии и права,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Г. А. Синельникова

Понимание греха в «Божественной комедии» Данте: грех воровства

Аннотация. В статье на основе анализа «Божественной комедии» выявляется понимание греха воровства у Данте Алигьери. Определяется особенность понимания греха воровства у Данте путем сравнения с учением о грехе Фомы Аквинского.

Ключевые слова: грех, грех воровства, Фома Аквинский, Данте, «Божественная комедия».

Проблема понимания греха на средневековом Западе сравнительно недавно привлекла внимание историков школы «Анналов». Среди исследований особенно выделяется монография Ж. Делюмо «Грех и страх», где человек Средневековья анализируется с точки зрения его ментальности, рассматривается его отношение к понятию греха в повседневной жизни [4, с. 569–602]. В российской историографии данная проблема пока не нашла своего исследователя, хотя наличие в отечественной гуманитаристике большого количества работ по творчеству Данте (прежде всего, литературоведческих) позволяет перейти к непосредственному изучению проблемы понимания греха в его «Божественной комедии».

Ортодоксальное понимание греха в западном христианстве было дано в XIII в. в труде Фомы Аквинского «Сумма теологии». Считается, что, создавая свой Ад, Данте опирался, прежде всего, на его учение.

Фома Аквинский в своем знаменитом труде «Сумма теологии» на вопрос «В чём строится причина греха?» отвечает следующим образом: «Другие же причины греха — как бы внешние и удаленные, а именно, те, которые склоняют волю к греху. И в этих причинах имеются определенные различия. В самом деле, некоторые из этих причин склоняют волю к греху сообразно самой природе воли (такова цель, которая есть собственный объект воли). И такая причина приращает грех: в самом деле, более тяжким грехом грешит тот, чья воля склоняется к греху через преследование более дурной цели. Другие же причины, склоняющие волю к греху, противны природе и порядку самой воли, которая по природе приспособлена к тому, чтобы самую собой свободно двигаться сообразно сужде-

нию разума. Поэтому причины, которые умаляют суждение разума — такие как неведение, — или те, которые умаляют свободное движение воли — такие, как насилие, бессилие, страх и т. п., — умаляют грех так же, как и волю, настолько, что если действие является полностью недобровольным, то оно полностью лишается смыслового содержания греха» [1, с. 90–91]. Следовательно, как считает Фома Аквинский, чем сильнее воля к греху, тем более тяжкий грех совершает человек; чем более дурную цель преследует человек, тем больший грех он совершает. Значит, чем сильнее воля и цель сделать дурной поступок, тем тяжелее грех.

Размышляя о тяжести греха воровства, Фома Аквинский говорит о том, что грехи по тяжести различаются так же, как и болезни. По представлениям автора, как здоровье состоит в некоей соразмерности жидкостей в организме, так и благо добродетели заключается в соразмерности человеческого действия, что подобает мере разума. Когда же Фома Аквинский говорит о тяжести греха воровства, сравнивая его с грехом человекоубийства, то он отмечает, что «грех, совершаемый против субстанции человека (например, человекоубийство), является грехом более тяжким, нежели грех, соотносящийся с внешними вещами (например, воровство)» [1, с. 85]. Итак, в понимании философа, грех против вещей, связанных с субстанцией человека, тяжелее, нежели грех, который соотносится с вещами внешними. Таким образом, у Фомы Аквинского грех воровства не считается тяжким грехом.

Очевидно, что понимание сущности греха и иерархии грехов у Данте определяет иерархию кругов ада в его «Божественной комедии». Восьмой круг («Злые щели») Данте изображает в виде

ровов. Интересующий нас 7-й ров, куда поэт посадил воров, заселен змеями: Данте и Вергилий падают в 7-ю щель, где наказываются воры, они видят, как злодеев жалят змеи, после чего они сгорают и снова восстанавливаются из пепла. Попад в 7-й ров, они видят, что грешники не могут укрыться от змей — им выкручивают руки, пронзают бока хвостами, а также впиваются в ключицы, поджигая грешников, превращая их в пепел: «сомкнулся воедино сам и в прежнее обличье возвратился» [3, с. 108]. Данте сравнивает это действие с мифологической птицей Феникс, которая возрождается из своего же пепла.

Интересен выбор Данте орудия мучений грешников-воров — это змеи, их можно сравнить со змеем-искусителем Адама. Такой вывод возникает после прочтения комментария к «Божественной комедии» Джованни Боккаччо [5, р. 382], где автор связывает змей с Адамовым яблоком: *vede riprender dattero per pomo* (примерный перевод: «увидеть (понимать) и снова взять (забрать) Адамово яблоко») — этот выбор мучений Данте связан с библейской легендой о том, как Адам вкусил запретный плод с древа познания добра и зла. Можно интерпретировать так: грешники, а именно воры, вкусили запретный плод воровства на земле, и как Адам был лишен Рая, так и воры лишены блаженства и вынуждены расплачиваться за свои грехи в объятиях змей, сгорая до тла и возрождаясь вновь, — и так вечно по кругу. Следует отметить, что мотив круга, цикличности в религиозном представлении Данте часто возникает в поэме «Божественная комедия».

Если сравнивать два понимания — религиозную образность Данте и схоластические суждения Фомы Аквинского, то, в понимании философа, грех, осуществленный против природы человека, тяжелее греха, связанного с внешними вещами. В градации грехов Данте грех человекоубийства находится ниже. Грех человекоубийства в «Божественной комедии» находится на 7-м круге, 1-м поясе, а грех воровства — на 8-м круге, 7-м рве, что свидетельствует о его большей тяжести. Судя по всему, для поэта грех воровства не может рассматриваться лишь как грех, который связан только с внешними вещами.

Таким образом, созданный Данте Ад не был обобщенным представлением духовного мировосприятия средневекового общества; это было видение самого поэта, которое во многом определялось тем общественным порядком, который был во Флоренции времен Данте. В то время в городе происходили значительные инциденты, связанные с воровством: воры орудовали на рынках, в общественных местах, где в силу многолюдности, тесноты, а также особой одежды рядового жителя — кожаного мешочка, который крепился на пояс, можно было беспрепятственно этот мешочек срезать и скрывать в толпе [2, с. 141]. Судя по всему, Данте выразил общее настроение флорентинцев, страдающих в то время от греха воровства. Поэтому можно предположить, что столь отличающееся понимание греха воровства у Данте связано с тем, что он полагался не только на общепринятое учение Фомы Аквинского, но и на осмысление общественно-политических реалий своего времени.

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Т. IV : Первая часть Второй части. Вопросы 68–114 / пер. с лат. ; под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — 688 с.

2. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте / пер. с фр. В. Д. Балакина. — М. : Молодая гвардия, 2004. — 322 с.

3. Данте А. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. — М. : Художественная литература, 1967. — 689 с.

4. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 752 с.

5. Boccaccio G. Il commento alla Divina Commedia e gli altri scritti intorno a Dante. — Bari : Tipografi Editori Librai, 1918. — 423 p.